

Когда-то давно знать свои корни было едва ли не священной обязанностью каждого человека. В знатных семьях гордились своим происхождением, вывешивая на стенах своих дворцов генеалогические деревья с портретами предков. Но и в простых семьях о своих корнях знали не меньше, и информация передавалась часто устно, от предков к потомкам. Все это продолжалось вплоть до 1917 года. Новой власти нужны были люди с новой, незапятнанной биографией. Люди отказывались от своих родственных связей, изменяли документы, имена и фамилии, перечеркивая этим свое прошлое, но сохраняя свои жизни. В итоге сейчас мы практически ничего не знаем о своих предках, ограничиваясь обрывочной информацией не далее, чем о прадедах (в лучшем случае!). Иногда человек родословную любимого стаффордширдского терьера знает лучше, чем свою собственную.

Генеалогия очень увлекает. Маленькое деревцо растет, обрастает новыми ветвями, корни его уходят все глубже; люди, относящиеся к нему, находят свои места в хитросплетениях родственных взаимоотношений, появляются из полного забвения, пусть даже одной единственной короткой строчкой.

Девичья фамилия моей родной бабушки — Куткина. Несколько лет назад меня заинтересовала история этого рода, обратился к архивам, и вот что из этого получилось.

Заглянем на восемь столетий вглубь.

На берегу реки Мокши в 1209 г. был образован городок Кадом, впервые упоминавшийся в Никоновской летописи. Крепость Кадом, поставленная на мордовской территории, будучи младше Москвы всего на 60 лет, стала последним рубежом продвижения русских князей с запада. Проходил он по территории современной Рязанской области, в приграничье с Мордовией.

По одной из концепций средневековой истории Окско-Ценско-Сурского междуречья, в начале распада Золотой Орды в конце XIV — начале XVI веков существовало независимое чингизидское Темниковское княжество. Население Темниковской Мещеры, куда входил и Кадом, составляли кипчаки

(половцы), булгары, буртасы, мордва, русские, чуваша, башкиры, черкесы и др.

Царская грамота на владение «Кадомской мордвой» была дана Иваном IV (Грозным) татарскому князю Янглычу Бедишу, родоначальнику династии князей Енгальчевых (позднее Енгальчевых и Куткиных объединили родственные связи). Янглыч-мурза пожалован был наместничеством «за многие службы» и получал с кадомской мордвы ясак семь рублей с полтиною в год. Но этого ему показалось мало, и он стал беззастенчиво злоупотреблять своей властью, грабя местное население. Кадомская мордва вынуждена была жаловаться на него самому царю. Челобитчики писали, что «от Янглыча и от братин ега идут бои, грабежи и насильства великие, и емлют с кадомской мордвы ясак семь рублей с полтиною на год. Янглычевы пристава с мордвы деньги многия, и той мордве впредь прожити не можно и ухажен их пусты».

Одним из поземельных налогов Московского государства было сошное обложение, единицей измерения которого являлась соха, основанием чего были писцовые книги. Многие сотни этих книг 16—17 веков до сих пор хранятся в московском архиве древних актов. После окончания Смуты, когда отец царя Михаила

Филарет (Федор) возвратился из Польши, оба государя в 1619 г. созвали собор и на нем приговорили послать писцов и дозорщиков, которые бы описали все города, разобрали обывателей и разместили их по местам, где они прежде жили и тянули тягло (система денежных и натуральных государственных повинностей). В силу этого постановления, в 1620-х годах предпринята была общая перепись тяглового населения в государстве с целью привести в известность и устроить его податные силы.

Заглянем в одну из писцовых книг: «Лета ЗРЛА (7131 год — так, буквами, в те стародавние времена часто обозначались цифры, а до 1700 г., т.е. до принятия Петром I летоисчисления от Рождества Христова, в древней Руси был принят календарь, которого придерживалась Византия, от Сотворения Мира в Звездном Храме. При переводе в современный календарь 7131 год соответствовал 1623 году) февраля а де по государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Руси указу писцы Степан Иванович Тарбеев с товарищи дали выпись кадомскому Неверу мурзе Куткину с кадомских книг письма, что за ним поместье в Кадомском уезде жеребий в Старом Мансырове, а в нем двор его помещиков, а живет в нем бобыль его Добрынка Ти-

мофеев, да дворовое пустые пашни перемогом добрые земли семь четьи (четы равна примерно 0,5 га) с осьминою, сена на чуважской пустоши да на тенгушовском поле тридцать пять копен, лесу пашенного десятина. А владеет он тем поместьем по отдельной выписи Смирнова Мотовилова (участвовали в межевании земли кадомским татарам) в 7100 году (т.е. в 1592-м), да за ним же за Невером жеребий в сельце Атенине, в Кадырове, пашни паханные добрые земли четверик с получетвириком, да перелогом двадцать чети в поле и на речке на Ведяже сорок две копны с полукопною». Этот довольно длинный список земель, принадлежащих мурзе Неверу Куткину, завершается стандартно: «К сей выписи Степан Иванович печать свою приложил, черпана воску». У подлинной выписи на обороте подписано: «тако приписал подьячей Данило Ивеленев».

Минул 17 век, за это время сменилось несколько поколений Куткиных. У единственного сына Невера Емикея было уже три сына: Уразмамет, Шимамет и Кельмей. В 18 веке дети и внуки Бектемира и Семеней принимают православную (греческую) веру вместо прежней мусульманской (магометанской), берут привычные русскому уху имена и отчества по крестным отцам. Причиной такого изменения религии бы-

то то, что, по указу Вотчинной коллегии, за некрещение отцовские имения отписывались на государево имя и передавались новокрещенным соседям.

Род Куткиных, берущий свое, известное по документам, начало от кадомского мурзы Невера Куткина за эти годы значительно окреп и расширился. Потомки его били шведов под Полтавой, участвовали в крымских походах и во всех других российских сражениях. Были и печальные моменты: так в ноябре 1774 г. из деревни Мокшазорово, Актарского уезда, Данилы Алексева, сына Куткина, жена Анна Федоровна была увезена злодеями (пугачевцами) в Саранск и там какою-то смертью умерщвлена, ей в то время было 60 лет. Анна Федоровна происходила из татарского княжеского рода Чегодаевых, ведущего свое происхождение от князя Чегодая Саконского, сын которого Хозяш, по грамоте великого князя Василия Иоанновича, жалован был в 1524 г. деревней в Муромском уезде. Ушла Екатерина II, и на трон заступил ненадолго ее сын император Павел I. Приведу одно из обращений к нему праправнука Невера Куткина: «Ваше Императорское Величество! Всемиловейший государь! Усердие к службе и труды приемлемые благоприятно у трона твоего милостию и правосудием прославляе-

мого хвалиться везде и в безчисленных примерах высочайшим благоволением твоим и щедротами с сим упованием подвигнутый бедностью возношу и я к монаршему лицу твоему всеподданнейшее мое прошение. Начальное мое служение было в армии с 1762 г. 9 мая по 1785 г. по 3 апреля из оной с чином секунд майора поступил я в статскую службу 6 февраля 1786 г. во Владимирскую казенную палату в ассессоры, числясь с того же времени старшинством в пожаловании меня в 1790 г. 16 декабря коллежским ассессором. Быв сии 35 лет в службе и в военной и в статской, ни в каких штрафах не бывал, не имел же родового имущества жил всегда единым жалованием. Да и поныне весь прожиток мой при не малом моем семействе состоит единственно от трех сот рублей онаго и потому служа с подобающею честностью, не только не мог составить что либо в прок для будущего времени, но даже и теперь при настоящем моем жаловании крайнюю терплю нужду, как в содержании себя с женою, так и в воспитании пяти малолетних детей моих, трех сыновей и двух дочерей и тем более при таком бедном состоянии моем мятуться я страхом и отчаянием, что они при старости моей или при хищении меня так как одержимая всегдашней скорбью и болезненными при-

падками со всем остаюсь должны без пропитания, а потому подвергая сие мое всеподданейшее прошение к священным стопам Вашего Императорского Величества прошу подкрепите бедность мою от щедрот высоких льющихся преизобильно на верноподданных ваших с усердием и правдою служащих державе твоей! Вмените всемилостивейший государь! Безспорную и долговременную мою службу в довод милостей Ваших и мне нуждающемуся с семейством благоволите сниспослать хотя что мало для всегдашняго мне, а паче детям моим пропитания. Всемилолюбивейший государь Вашего Императорского Величества всеподданейший коллежский асессор Иван Куткин 3 апреля 1797 г.».

Во времена царствования императора Александра I дворяне Куткины, будучи в большинстве военными, принимали участие в битве с французами, не все из них вернулись с полей сражения.

Право иметь свой родовой герб было прерогативой потомственного дворянства. Само слово "герб" в переводе с немецкого языка от слова "erbe" означает наследство. В современном понимании герб — это графические символы, составленные в определенную композицию по особым геральдическим правилам.

Герб дворян Куткиных был помещен в десятой части на 42-й

стр. «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи», утвержденного государем 3 января 1836 г., то есть Николаем I.

Каждый том включал от 150 до 180 гербов. С 1797 г. было выпущено десять частей, остальные восемь так никогда и не увидели свет, что можно объяснить отсутствием средств и потерей у правительства интереса к публикации «Гербовника».

Герб дворян Куткиных описывался так: «Щит разделен на три

части, из коих в первой в красном поле изображена серебристая луна, рогами обращенная в правую сторону; во второй в голубом поле видна выходящая из облаков рука, держащая меч; в третьей части в золотом поле находится голубой крест. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом

Щит держат два льва».

У татарских родов постоянно видна луна, крест и сабля в том или ином положении, с теми или иными атрибутами, которые мог избирать себе мусульманин по происхождению, обратившийся в христианство и добившийся себе дворянства отличием на поле брани.

Шлемы древнеславянской формы даются только в гербах древних русских родов, ведущих свое начало до царствования Петра Великого и внесенных в шестую часть дворянской родовой книги. Шлем дворянский с пятью прутьями, все прутья золотые.

Дворянская корона состоит из венчика с тремя листьями, между которыми помещены две большие жемчужины. Щитодержатели допускаются только в гербах титулованных родов и древних дворян, внесенных в шестую часть дворянской родословной книги.

В Геральдике существует символ «Божьего меча», карающего неверных, восходящий к образу Апокалипсиса. В европейской и российской символика широко используется изображение согнутой в локте руки с мечом, иногда выходящей из облака, иногда облаченной в латы, что расшифровывается как «рука Бога».

Свое дворянское происхождение приходилось доказывать таким способом:

Свидетельство

«Сие свидетельство из Темниковского Земского суда титулярному советнику Николаю Евгеньеву Куткину в том, что по учиненному вследствие поданных от него прошений его дознанию через страх под присягою шести лиц старожиллов сельца Пливеева оказалось, что дед его князь Алексей Данилов Куткин действительно родился от отца своего князя Даниарбека Семенова (а по крещении в 1749 году Данила Алексева) Куткина законной жены его Анны Федоровой в 1743 г. в бытность его Данилы еще в иноверчестве и именовался князем Муссалою Данирбековым, а по приходе в совершеннолетие принял так же как и отец его веру греческого исповедания и стал именоваться князем Алексеем Даниловым. Из свидетельства выданного 1856 г. 8 июня деревни Атениной муллою Рызваном Бакбаевым Исеевым видно, что князь Муссал Даниарбеков Куткин (а по крещении князь Алексей Данилов обмолитвован по магаметанскому закону деревни Атениной бывшим указанным муллою Мустафою умрашевным Енгальчевым».

Интересные документы сохранились еще об одном из Куткиных, Евгении Петровиче. Родился он 25 декабря 1855 г., из дворян Владимирской губернии.

В службу вступил юнкером в 3-е военное Александровское училище по 1 разряду 25 августа 1872 г.

7 августа 1874 г. по окончании курса наук произведен из портупей-юнкеров в подпоручики, с зачислением по армейской пехоте, прикомандирован к лейб-гвардии Волынскому полку.

17 августа 1875 г. прапорщик лейб-гвардии Волынского полка.

Находился в походах и делах против турок во 2,3,4 период кампании 1877—78 г., с 25 августа 1877 г. по 25 августа 1878 г.

С 1 по 12 октября 1877 г. под начальством князя Карла Румынского в составе западного отряда, получившего 12 октября название отряда войск обложения Плевны. Со 2 декабря 1877 г. по 20 января 1878 г. в составе западного отряда под начальством генерал-адъютанта Гурко. 23 августа 1877 г. в составе полка выступил из г. Варшавы по железным дорогам и перешел границу Румынского княжества в Ульченах.

Перешел Дунай у Систова по сосредоточении всей дивизии под начальством генерал-лейтенанта Кочтилия в с. Акчемре, в северной Болгарии (сентябрь 1877 г.), участвовал в движении к селению Экса-Барач с 16 по 31 сентября. Командирован в штаб обложения Плевны 6 октября 1877 г., в ежедневных перестрелках с турками во все время тесного обложения

Плевны, а 7 ноября в усиленной перестрелке с неприятелем. 28 ноября в отражении вылазки Осман-Паши и взятии в плен турецкой армии. По расформировании отряда обложения Плевны прибыл в полк, располагавшийся по квартирам в г. Плавечно на берегу Мраморного моря. 1 марта 1878 г. — в расположении дивизии по квартирам в окрестностях Силиври. С 1 марта по 12 августа — в расположении дивизии, составляющей резерв первого фланга армии бивуаком на высотах Уярем-Бургас, под стенами Константинополя. 12 августа — в посадке полка на суда для отправки в Россию. Прибыл в Одессу 14 августа и — на постоянные квартиры в Варшаву 25 августа.

За взятие г. Плевно 28 ноября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». Награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом приказом по действующей армии в августе 1878 г. за переход через Балканы.

Сохранился интересный рассказ о том, как поручики Волынского полка Куткин и Литовского полка Рябинкин семь часов просидели в гостях у Османа-паши в Плевне.

...9 ноября, днем, ехали поручики Куткин и Рябинкин из деревни Дольный Дубняк к себе домой в деревню Тученицу. Их со-

проvoidжал казак. Туман стоял непроницаемый. Заметив влево от себя на склоне горы какое-то укрепление, товарищи вздумали к нему подъехать, чтобы расспросить о дороге в Тученицу: не сблизь ли они с пути. Только стали они приближаться к редуту, как видят, что с горы прямо на них спускается верховой, закутанный башлыком и с ружьем за спиной; по виду — совершенно казак, а за ним идут несколько пеших солдат. Поручики остановились.

— Эй!— кричит Куткин.— Куда, братец, ведет эта дорога?

И что же? Верховой, круто осадив коня, вдруг вскрикнул и прицелился из ружья, а из редута выскочили пехотинцы. Наши не на шутку испугались: не было сомнения, что они в тумане заехали к неприятелю. Рябинкин мгновенно нашелся: вынул из кармана платок и стал им махать... Ружья спрятались. Переговорщики, посылаемые неприятелями друг к другу, при приближении своем всегда машут платками, дабы этим показать, что они парламентары, а не воины, явившиеся с какой-либо другой целью.

— Ну, мы попались!— воскликнул в страхе поручик Куткин.

— Скажем, что мы парламентары,— ответил ему Рябинкин.

Оба поручика ухватились за эту мысль, единственную, которую можно было придумать для спасения.

Вскоре их окружила толпа турок. Наши слезли с лошадей и поспешили условиться, о чем им переговариваться с Османом-пашой. Выдумали они следующее: что как будто начальник отряда послал их с предложением обоюдно прекратить огонь до утра, так как у русских сегодня большой праздник, и генерал хотел бы дать возможность своим людям спокойно его провести. Поручик Куткин обратился на французском языке к какому-то офицеру и объяснил, в чем состояла их просьба к Осману-паше. Турок ответил, что придется подождать бимбаши (майора), за которым уже послано. Тогда, обменявшись с офицерами папиросами, у новых собеседников завязался разговор. Наконец, явился ожидаемый бимбаши и предложил поручикам сесть на лошадей. Откуда ни возьмись, выскочила конница, окружила наших, и затем все тронулись. Казак-вестовой ехал бледный, как полотно. Вскоре стал виднеться город Плевна со всеми церквями, между которыми одна была православная. Когда они приблизились к городу уже шагов на тысячу; вдруг выехал к ним навстречу всадник и приказал всем повернуть назад. Между прочим, у поручика Куткина имелась очень важная бумага, которую он должен был передать генералу Тотлебену; хранилась она у него в сумке, и, предполагая, что их введут в

светлое помещение, а казак останется при лошадях в темноте, Куткин решил передать сумку казаку. Но как было это сделать, чтобы турки не догадались? Вот на ходу поручик нарочно роняет платок «Казак, подыми!— громко кричит он и в то время, как тот берет платок, шепотом прибавляет:— Бери сумку, храни пуще ока и не робей».

Все шествие остановилось около большой палатки, по-видимому, только что поставленной. Вот они слезли с лошадей и вошли. Внутри стояли на земле свечка и два табурета. Не успели они присесть, как видят, что и казака вводят в палатку. Опасаясь за сумку, Куткин поспешил объяснить турецкому офицеру, что по русским военным правилам солдат не может находиться в одной палатке с начальником и что его следует оставить при лошадях. Офицер поверил и исполнил просьбу. Между тем, в палатку набралось человек пять турецких офицеров; они присели на корточки, закурили папиросы и стали с любопытством разглядывать русских. Поручик Куткин хотел было начать переговоры, но его попросили обождать прихода паша и переводчика. Черные мысли так и лезли в головы нашим поручикам: «А вдруг не поверят нам и заберут в плен, а там, чего доброго, зверства творить станут»,— думали они. Куткин старался завязать разго-

вор, но ничего не выходило. Наконец, взмошел небольшого роста паша, и все почтительно встали; то был помощник Османа — Тефик-паша. Наши отрекомендовались и объяснили, в чем их просьба. Внимательно выслушав, паша сказал, что он должен сперва известить мушира (Османа) и ждать его приказаний. Написав записку, Тефик-паша вручил ее чаушу (унтер-офицеру). У входа в палатку стоял уже часовой, огромнейшего роста турок с ружьем. Страх совсем разбирал наших офицеров. Затем подали кофе. Разговор не клеился. Через час вошел солдат и подал паше запечатанный конверт.

«Ну,— думал Куткин,— сейчас объявят решение Османа, и, может быть, прощай свобода, прощай товарищи! Снимут одежду, вон тот длинноносый, наверное, возьмет мои сапоги: он уже давно на них умильно поглядывает».

Паша прочел бумагу, передал ее своим офицерам, которые начали что-то толковать и, посматривая на русских, усмехаться. Это совсем уже испугало Рябинкина: «Догадались, значит, какие мы парламентареры»,— думал он. Паша ничего не сказал, но написал вторую записку. Прошло полчаса. Вдруг входит мулла (священник) высокого роста, с черной бородой и садится правее паша. Паша ему сказал что-то по-турецки. Мулла взглянул и, к ве-

личайшему удивлению наших, спросил по-русски:

— Что вам желательно?

— Я имел честь объяснить генералу все, что следовало, и больше ничего не могу прибавить,— ответил Куткин.

Мулла замолчал и даже на вопрос поручика — где он научился говорить по-русски? — не ответил ни слова. Вскоре принесли второй конверт. Турки принялись читать и снова усмехаться над русскими. Тут уже Куткин не выдержал и спросил: «Не касается ли нас содержание полученной бумаги?» Паша с улыбкой на лице объяснил так хитро, что ничего нельзя было понять — да или нет.

Наконец, в одиннадцать часов ночи получена была третья бумага. Пробежав ее глазами, паша встал и торжественно произнес по-французски: «Его превосходительство генерал Осман изволил согласиться на предложение вашего начальника отряда. Мы не будем стрелять, если с вашей стороны, конечно, тоже не будет огня. Затем можете ехать».

Стараясь не показать, до чего они были рады убраться, Куткин и Рябинкин тихо поклонились и попросили провожатого до цепи. Паша ответил, что сейчас придет конвой. Действительно, явились пять солдат с ружьями и поехали вперед, указывая дорогу, но через

шагов триста из пяти верховых остается только один, да и тот, махнув рукой и произнеся: «бурда» (здесь), — тоже исчез.

«А вдруг как хватят залп нам в затылок», — подумал Куткин, — но ничего не случилось, хотя положение их все-таки было скверное: дороги в темноте найти не могли, и легко казалось попасть снова на турецкий редут. Разговаривали они шепотом:

— Счастье наше, брат, что перестрелки действительно не было, — говорил Рябинкин, — а то, представь себе, каково бы они с нами, парламентарями, поступили, просившими не стрелять сегодня, если бы наши первые открыли огонь.

— А я полагаю, что турки потому и держали нас так долго у себя, чтобы посмотреть, действительно ли наши не будут стрелять, — заметил Куткин.

Когда оба товарища вернулись домой, то от счастья готовы были обниматься со всеми.

...Прадедом моим был Михаил Владимирович Куткин. Закончив Казанский ветеринарный институт, он много лет проработал в области ветеринарии. Приоткрою одну из страниц его деятельности.

Известный российский зоолог и географ Л.С. Берг обратился со

следующим хадатайством в Императорское Русское Географическое общество:

«Во время снаряжения экспедиции черезвычайное содействие оказывал нам ветеринарный врач Михаил Владимирович Куткин в Илийске (Семиреченская обл.) и секретарь семиреченского статистического комитета Владислав Ефимович Недвецкий в Верном. Благодаря их трудам удалось сберечь много денег и времени. Вследствие этого я беру на себя смелость просить И.Р.Г.О. о награждении этих лиц, если возможно, малыми серебряными медалями.

**С.-Петербург 11 ноября 1903 г.
Л. Берг»**

**Императорское Русское
Географическое общество
14 июня 1905г. № 155,
С.-Петербург**

«Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Совет Императорского Русского Географического Общества в заседании 28 января сего 1905 года присудил Вам серебряную медаль за содействие экспедиции Л.С. Берга на Балхаш. Извещая Вас об этой почетной награде Общества и сопровождая

при сем медаль, прошу принять уверение в моем искреннем уважении и преданности».

**Семенов
(П.П.Семенов-Тянь-Шанский)**

Трогает своей непосредственностью письмо, написанное родным братом моей бабушки Веры Куткиной:

«Дорогия отца и матюся целую вас крепко крепко, а так же и всю команду. Я живу ничего, учусь тоже сносно Русский: 5, 4, 4, 4. Латинский — 5, 3. Чистописание 4. Я оставался без обеда 2 раза в первый раз за то, что плохо стоял в церкви, а другой раз за то, что принес рогатку в гимназию, простите, что я остался без обеда, больше не буду, только разве когда весь класс завтра будет за то, что барабанили в столы. Мундир заказали, и я уже получил его, он стоит 12 рублей. Отца! позволишь ли ты мне кататься на коньках, если позволишь, то пришли денег рубля 3. Я получил награду похвальный лист и книгу Робинсон Крузо. Мне надо купить сапоги, а то эти изорвались.

*Целую вас крепко, крепко.
Любящий вас Володя.
1900 г., 19 августа»*

После этого краткого экскурса в историю одной семьи может возникнуть вопрос, а стоит ли тратить столько времени, сил, да и средств на все эти поиски? Думаю, стоит. Историю своей семьи каждый из нас начинает изучать в раннем детстве. Едва научившись говорить, мы говорим: «мама», «папа», затем пытаемся называть их по имени, после узнаем, как зовут наших бабушек и дедушек. Для многих занятие генеалогией на этом заканчивается, зачем знать имена тех, кого никогда в жизни не видел? Для кого и для чего это нужно? Прежде всего, думаю, для самого себя. Это похоже на путешествие. Если ты, кроме своего

родного города или деревни, нигде не был, карта для тебя во многом — как разноцветный лоскут, но если тебе удалось попутешествовать, то цветные контуры какой-то далекой страны видятся тебе совсем по-иному. Генеалогия — это увлекательное путешествие во времени, где фамилия твоих далеких предков предстает конкретными людьми, их делами и поступками.

Вглядываясь в глубину веков, по-другому начинаешь относиться к месту своих предков в истории и к самой истории страны, все теперь видится таким живым, настоящим. Это нужно пережить, чтобы понять.